

Н. П. ЛИТВИНОВ

<Дневник. 1861–1862 годы>

<Фрагменты>

1861 год

13 марта (понедельник).

Сегодня на гимнастике я заметил признак пробуждения в Александре Александровиче, в первый раз ему пришла фантазия добиться порядочно сделать довольно трудную штуку, и действительно, он ее сделал, хотя с грехом пополам. Жаль, если это была только фантазия!

Натура добрая, но шероховатая, впрочем, есть надежда ее обтесать. Он очень мил со мною, очень послушен, но ужасно любит фамильярничать, и я решительно недоумеваю, как мне избавиться от этой короткости. Его любимое обращение ко мне: «Ты дитя, поручик», если промолчишь и угрюмо отвернешься, он сейчас заметит это и скажет: «Ну вот и рассердился», если же при повторении той же выходки попросишь его перестать, он торопливо заговорит: «Ну не буду больше, г-н поручик», и в самом деле перестает до первого удобного случая. Я еще не успел заметить, когда наступают эти удобные случаи, если замечу, постараюсь их избегать. За обедом он и Владимир Александрович вели себя еще не совсем прилично, хотя и лучше; Александр Александрович ни разу не фыркнул, но оба с шумом хлебали с ложки, а им в этом аккомпанировал и я, по этому случаю граф Перовский заметил, что и я тоже имею скверную привычку хлебать, на это я ответил, что и мне еще не поздно исправиться. С пяти до семи оба прилежно приготавливали уроки. Александр Александрович все жалуется на немецкую географию. После чаю, придя от Императрицы, по собственному побуждению сели заниматься и оба порядочно выучили английские стихи, которые мне рассказали.

14 марта (вторник).

...Вечером Александр Александрович употребил более получаса на музыку, опять-таки по одному собственному побуждению. По-

смотрим, будет ли знать ее завтра. Вечером были у Дмитрия Борисовича (Д. Б. Рихтер), в первый раз мне случилось видеть великих князей в обществе; Владимир Александрович ведет себя, нисколько не стесняясь, так же как дома, а Александр Александрович видимо старается вести себя порядочнее, хотя это ему и не совсем удалось, какие-то странные отрывистые жесты и помахивания рукою ужасно били в глаза. Я предупредил обоих князей, что пойду домой в десять с четвертью часов, и уже не упоминал об этом; ровно в назначенный час Александр Александрович подошел ко мне и сказал, что пора отправляться.

15 марта (среда).

Несмотря на то, что легли поздно, утром поднялись без затруднения, и Александр Александрович отвечал свои уроки хорошо. В классы заходила Императрица, проходя в церковь (среда на второй неделе Поста), но на уроках не останавливалась. У нас обедал учитель английского языка Метчин. Александр Александрович вел себя за обедом не совсем добропорядочно, так что я должен был ему сказать, что при посторонних вести себя так уж потому нехорошо, что их неумение держать себя может быть известно во всем городе потому, что публика интересуется больше всего их воспитанием. Это замечание имело, кажется, свое действие. Урок музыки, как и следовало ожидать, очень хорош. Вечером читал с Владимиром Александровичем из «Сида»¹. Никак не могу добиться какого-нибудь чтения от Александра Александровича, он его боится как огня.

18 марта (суббота).

Говорят, я хорошо сделал, что начал журнал со времени моего поступления, а не начал его позже, потому будто бы, что со временем я так бы мог втянуться в привычки и недостатки великих князей, что мне все казалось бы так, как оно должно быть... Уж не успел ли я втянуться... Боже упаси, между тем нет еще месяца, как занял свою должность, а Александр Александрович, мне кажется, уже во многом успел, сделался прилежным и толковым, заметно наблюдение за собою и вообще много утешительного. За уроком естественной истории (читано в один раз) был чрезвычайно внимателен и вел себя как следует; остальные уроки были так же хороши. За обедом он держал себя так необыкновенно прилично, что я не выдержал и заметил это, за что он меня тотчас же наказал, сильно фыркнувши. <...>

20 марта (понедельник).

Сегодня уроки Александра Александровича шли очень хорошо, не понимаю, когда он успел их приготовить.

21 марта (вторник).

Александр Александрович все еще не отучился буфонтствовать², по-прежнему вдруг ни с того ни с сего покажет язык или сделает глупую гримасу... В два часа отправились в красильную и сукновальную фабрику на Гутуевский остров; оба были внимательны и вежливы. Хорошо, что все это было сделано без особых приготовлений, на фабрике нас совсем не ждали, и хотя хозяин и был несколько как будто растерян, зато его помощники вели себя молодцами и нисколько не унижаясь, что весьма полезно для князей, а особенно для Владимира Александровича.

<...>

13 августа (воскресенье).

Встали в семь часов. После чаю Александр Александрович пошел со мною в сад, где мы занимались спусканием корабликов в воду, что нас очень забавляло. В половине одиннадцатого часа пошли к обедне. Завтракали у нас баронесса Софья Петровна Фредерикс и генерал Гогель с супругой и сыном. Александр Александрович чувствовал себя сегодня очень развязным и так расшалился, что при встрече с Александром Ивановичем Чивилевым придал ему такой эпитет, который мне показался слишком нелепым и дерзким; я его не хочу повторять, боясь ошибиться, но если то, что мне послышалось, еще раз повторится, то нужно будет принять такие меры, чтобы обуздать развязность и разгул Александра Александровича. Владимир Александрович читал с [А. И. Чивилевым] «Вокруг света», а Александр Александрович историю Стеньки Разина.<...>

<...>

16 августа (среда).

...Потом читали, Владимир Александрович — Богдана Хмельницкого³, а Александр Александрович взял роман Загоскина «Искуситель». Так как это одно из бесцветных произведений Загоскина, то Александр Иванович [Чивилев] присоветовал Александру Александровичу лучше послушать «Богдана Хмельницкого», но это очень не понравилось великому князю, и он объявил, что Костомаров для него очень скучен... После обеда Александр Александрович пошел с нами играть в кегли; он был очень мил, любезен, и почти ни разу мне не пришлось делать ему замечаний, что бывает очень редко. По возвращении домой Александр Александрович продолжал работать над утренним переводом. Дай Бог не сглазить, а великие князья садятся за занятия не только без принуждения, но, как кажется, даже с полной охотой. Александр Александрович, например, очень совестливо трудился над переводом, беспрестанно роясь в лексиконе, чего он терпеть не может. После чаю m-r Remy⁴ прочел вслух главу из Шатобриана «Les Martyrs»⁵; Владимир

Александрович был в полном восхищении и делал весьма дельные замечания о стиле этого писателя; Александр Александрович, который далеко не так горячо принимает подобные сочинения, тоже отозвался о нем очень хорошо, и даже был не прочь продолжать чтение.

17 августа (четверг).

Г-н Реми давал урок Александру Александровичу до десяти с половиной часов. За уроком Александр Александрович был довольно внимателен, но заданное вчера почти совсем не приготовил. Я сделал ему за это выговор, но Александр Александрович до сих пор своего положения не понимает, и теперь, как всегда, он отвечал мне разными ребяческими отговорками, как, например, что ему не было времени, и проч. В половине второго часа я поехал с Александром Александровичем на скачки. На скачках было совсем пусто и скучно, но, несмотря на это, Александр Александрович ими очень занимался и был доволен своей судьбою. В шесть часов я напомнил Александру Александровичу, что если он сегодня не займется приготовлением урока к завтраму, то и завтра он не заслужит похвал, как сегодня. Он охотно пошел домой и сел за работу.

<...>

20 августа (воскресенье)⁶.

После чая Александр Александрович пригласил m-г Remy, Дмитрия Федоровича и меня осматривать новый дворец⁷ и Грановитую палату. В половине третьего часа Александр Александрович отправился с нами осматривать терем; он с особенным удовольствием смотрит на то, что носит отпечаток старины; видно, что оно делает на него впечатление; он особенно жалел о том, что так многое возобновлено и, следовательно, утратило всю прелесть старины. После обеда великие князья поехали на Воробьевы горы. Александр Александрович отправился с графом Борисом Алексеевичем Перовским в двухместной коляске, а Владимир Александрович в четырехместной с Дмитрием Федоровичем Обломьевским, m-г Remy и со мною. Мы долго любовались прелестной панорамой Москвы и ее окрестностей. В это время успели нас окружить несколько крестьянок из соседней деревни; они предложили вишен великим князьям. Владимир Александрович держит себя с ними очень мило и много разговаривал, но Александр Александрович чувствует себя очень неловко при этом и потому кажется мало любезным.

Сегодня великие князья разорились на покупку разных коробочек и папиросниц фабрики Лукутина. Для Владимира Александровича это не удивительно, но от Александра Александровича я не ожидал решимости истратить на это 24 рубля; правда, что он выбирал такие вещи, которые подешевле, и потому он их купил очень много числом.

21 августа (понедельник).

После чаю Александр Александрович пошел с m-r Remy, А. И. Чивилевым и Д. Ф. Обломьевским еще раз осматривать терема, которые ему очень нравятся. В одиннадцатом часу к великим князьям приехал митрополит Филарет, просидел с ними полчаса и благословил каждого образом. После завтрака мы отправились в Архангельский собор; там нас ожидал священник, назначенный митрополитом для объяснения всех достопримечательностей. Великие князья давно уже не были в Москве, так что если все, что они увидели, не было им совершенно неизвестно, то по крайней мере все должно было им показаться в другом свете. Александр Александрович с видом истинного знатока восхищался стариною и наивною живописью на внутренних стенах храма, т. е., значит, тем, что именно составляет характеристическую особенность древнего византийского стиля. Особенно интересно было для великих князей видеть одежду и другие принадлежности Царевича Дмитрия. Часа в два к нам приехал Иван Михайлович Снегирев, и мы с ним отправились в дом Романовых на Варварке⁸. Внутреннее расположение комнат, убранство их, мебель — все мельчайшие подробности в высшей степени интересовали великих князей, и они с жадностью слушали объяснения Ивана Михайловича, под руководством которого и было реставрировано это здание. Мы приехали домой около половины четвертого, и граф Борис Алексеевич Перовский пригласил остаться обедать Ивана Михайловича Снегирева. Все время за обедом и долго после обеда г-н Снегирев занимал великих князей самыми интересными подробностями о русской старине, и великие князья долго бы, вероятно, остались слушать его, если б время не было так дорого. В 5 часов мы пошли в Оружейную палату, где ожидал нас майор Яковлев; он большой знаток древностей вообще, а по части оружия в особенности. Великие князья все время не отходили от него и слушали его с большим вниманием и видимым удовольствием. Когда нужно было уходить, я напомнил великим князьям, что они должны хорошенько поблагодарить майора и дать ему руку, что они часто забывают делать.

22 августа (вторник).

Сегодня назначено было ехать в Воскресенский монастырь⁹. Для этого граф Борис Алексеевич (Перовский) пригласил ехать с нами генерала Исакова, который мог нам объяснить многое, потому что сам был в старом Иерусалиме, по плану которого выстроен Воскресенский монастырь. Мы выехали по экстренному поезду в половине десятого часа. В святой обители нас совершенно не ожидали, так что мы успели осмотреть часть храма, прежде нежели успели собраться игумен¹⁰ и священнослужители для совершения молебствия. Старичок игумен начал было нам показывать храм и ризницу¹¹, но,

желая его избавить от труда всюду ходить за нами, великий князь Александр Александрович откланялся ему, и мы dokonчили осмотр храма под руководством одного генерала Исакова. Рассказ его был очень интересен; так как наружный вид церкви и внутреннее ее расположение скопировано с Иерусалимского храма, то великие князья наглядно видели, где расположены приделы разных исповеданий¹². Мы ходили и осматривали все более двух часов, очень устали и очень проголодались. Обед заказан был в гостинице, находящейся недалеко от монастыря. Простые щи, каша и жаркое показались великим князьям очень вкусными, а всего более понравилось то, что запросили с нас за все это не более 6 рублей 50 копеек. Это показалось нам очень скромным, особенно сравнительно с теми 360 рублями, которые запросили с нас на Московской железной дороге за один обед. Обратное поехали в 4 часа и через полтора часа были на железной дороге.

По прибытии домой великие князья отправились прямо к наследнику¹³, прибывшему без нас в Москву. У нас была большая компания за чаем; приглашен был генерал Исаков, а потом пришел великий князь наследник с Дмитрием Борисовичем Рихтером и Иваном Васильевичем Рождественским. После чаю Александр Александрович пошел со мною на половину наследника и вернулся домой в половине десятого.

23 августа (среда).

После завтрака все пошли осматривать Патриаршие ризницы; монах, который был нашим чичероне¹⁴, отлично знал свое дело; великие князья с удовольствием слушали о древних книгах, хранящихся в ризнице. После обеда великие князья отправились навестить великого князя наследника, который чувствовал себя не совсем хорошо.

24 августа (четверг).

После чаю великие князья сходили к великому князю наследнику, часов в десять приехал к нам Иван Михайлович Снегирев и пошел с Александром Александровичем в церковь Спаса на Бору, что стоит на дворцовом дворе; а потом граф Борис Алексеевич Перовский поехал с Александром Александровичем и Михайлом Ивановичем¹⁵ в монастыри Донской и Спасский. В восемь часов пришел к нам наследник и, пробыв с полчаса, пригласил нас идти с ним на его половину. За чаем Александр Александрович вел себя очень прилично, что было очень кстати, потому что народу у великого князя наследника было много; между прочим, граф Строганов с сыном и генерал Казнаков.

25 августа (пятница).

После чаю Александр Александрович отправился к великому князю наследнику: в десять часов Александр Александрович отправился

с графом Борисом Алексеевичем к литургии¹⁶ в Симонов монастырь. Они очень желали не быть никем узванными; это им удалось только вполвину. С час времени простоял великий князь Александр Александрович в церкви, не возбуждая ничьего внимания; потом вдруг заметили, что в народе возникло подозрение, что все с любопытством стали на него поглядывать, а духовенство — обращаться преимущественно в их сторону. Это заставило их выйти несколько ранее окончания службы. Однако настоятель успел проводить великого князя Александра Александровича. После обеда поданы были два экипажа, запряженных четвериками, и мы отправились за город в следующем порядке: Александр Александрович с графом Борисом Алексеевичем в двухместной коляске, а Владимир Александрович с г. Рему и со мною в четырехместной. Поездка наша была очень интересна; мы видели знаменитое село Коломенское, где жил Петр Великий со своей матерью, когда ему было 11 лет; там же, по преданию, Шелковитый хотел убить его¹⁷. Мы не имели достаточно времени, чтобы осмотреть все место подробнее; входили во дворец, который не имеет ничего замечательного, кроме своего местоположения; видели челобитный столб перед тем местом, где стоял старый дворец, и, наконец, зашли в церковь, построенную при царе Алексее Михайловиче¹⁸, где нас встретил священник с крестом и в облачении. Вернулись в восьмом часу. Александр Александрович с графом Борисом Алексеевичем прошел в Успенский собор, желая застать всенощную¹⁹, но, во-первых, они были тотчас узнаны народом, который помешал им молиться, а во-вторых, застали только конец службы, так что скоро вернулись домой. К чаю пришел великий князь наследник.

26 августа (суббота).

Александр Александрович отправился поздравить наследника царевича в десять часов и уже оттуда вместе с ним пошел в Успенский собор. Александр Александрович пришел с литургии очень поздно; завтракал в час, а потом поехал с графом Борисом Алексеевичем к генерал-губернатору и Николаю Геннадиевичу Казнакову; затем отправился на большой обед. К чаю пришел великий князь Николай Александрович; остаток вечера мы провели очень приятно, потому что Дмитрий Борисович (Рихтер) читал нам журнал путешествия великого князя наследника. Великие князья разошлись спать раньше обыкновенного, потому что на другой день встают в пять часов утра.

27 августа (воскресенье).

В семь с четвертью мы выехали из Кремлевского дворца, заехали к Иверской Божьей Матери²⁰ и уже оттуда на железную дорогу. Все время дороги великие князья были очень веселы, хотя и уверяли что им жаль так скоро оставить Москву. <...>

29 августа (вторник).

После чаю я гулял с Александром Александровичем и рассказывал ему подробности последних минут королевы Марии Антуанет. Любопытство его было в высшей степени возбуждено, но все его вопросы касались более житейских мелочей, чем нравственных начал.

31 августа (четверг).

...Потом я вслух читал великим князьям немецкие стихи различных авторов. Владимир Александрович слушал с большим вниманием, но Александр Александрович недолго выдержал, встал и ушел к себе.

За чаем великие князья держали себя недурно, но уже после чая Александр Александрович такую выкинул штуку, что я боюсь, не отлазил ли его Альфонс Карлович. Он вдруг вошел в такой неумный восторг и, подойдя к Альфонсу Карловичу и ко мне, начал повторять свои старые штуки, кривляясь и заигрывая; я попросил его перестать и объяснил, что это вовсе не идет; надо было видеть, какие гримасы начал он строить; подобные выходки даже не в состоянии рассердить человека, но они так болезненно отдаются в сердце, что в подобные минуты хочется заплакать, глядя на бедного Александра Александровича.

1 сентября (пятница).

Встали в шесть с четвертью часов, т. е. как обыкновенно бывает во время классных занятий... Сегодня граф Борис Алексеевич [Перовский] принужден был сделать сильную распечку Александру Александровичу за то, что он не послушался его и переменил час, назначенный для ванны. Александр Александрович был очень огорчен этим, не хотел согласиться в том, что виноват, и все уверял, что хотя, может быть, граф и говорил при нем Замятину, но он этого не слышал; правда, Александр Александрович так рассеян и невнимателен, что даже и это на него похоже. После чаю Александр Александрович читал со мною из всеобщей истории Вебера о восточных народах, т. е. сегодняшней урок, все время был довольно внимателен и даже сам все искал по историческому атласу.

2 сентября (суббота).

...Я потребовал от великих князей их расходные книжки; счета по видимости ведены были чисто и аккуратно, но по проверке оказалось противное: Александр Александрович недосчитался по счетам 11 р. серебром, а Владимир Александрович 8 р. серебром, у первого осталось от месяца рублей 6, а у Владимира Александровича ничего.

4 сентября (понедельник).

Александр Александрович был сегодня утром что-то не в духе; не этому ли нужно приписать его последующие неудачи в утренних классах; а впрочем, может быть, и наоборот, т. е. он чувствовал, что он плохо знает уроки. М-г Remu был сначала очень недоволен им, потому что он очень плохо приготовил перевод и худо знал урок; но зато последние полчаса были так хороши, что ничего не оставляли желать лучшего. М-г Remu сказал, что если б он был уверен, что Александр Александрович будет всегда так внимателен и понятлив, то, наверное, мог бы сказать, что в шесть месяцев Александр Александрович может догнать свои лета. В классе древней истории Александр Александрович тоже много говорил вздору, хотя урок был так мал, что его без затруднения мог бы выучить семилетний ребенок. Впрочем, я нахожу, что такие короткие уроки, как, например, заданы были к сегодня и завтра, такие уроки действительно трудно отвечать такому некрасноречивому человеку, как Александр Александрович. В десять часов Александр Александрович пошел на гимнастику и исполнял свое дело довольно добросовестно. После завтрака Александр Александрович отправился играть на фортепиано, но по случаю приезда великого князя наследника и по случаю завтрака в той комнате, где стоял фортепиано, — урок состоялся только вполовину. Играл порядочно, потому что Михаил Викторович (Половцов) заставил Александра Александровича повторять старые пьесы. Александр Александрович очень порядочно писал под диктовку на английском языке и сдал порядочно урок Эдуарду Федоровичу Эвальду. Александр Александрович начал готовить французский урок с помощью м-г Remu. При этом случае он блистательно заявил свое ребячество. М-г Remu спросил его спрягать глагол, при этом он сделал ошибку, которую м-г Remu хотел ему объяснить. Для этого он заставил Александра Александровича написать *temps primitifs* и *les modes*²¹. Александр Александрович так восстал против такого, по его мнению, несвоевременного требования, что большого труда стоило нам его успокоить; я обещал послать за графом Борисом Алексеевичем, если он тотчас же не напишет, что у него спрашивали, и, кроме того, сказал Александру Александровичу, чтобы он не надеялся отделаться после семи часов от занятий, если он не кончит урок. Александр Александрович при этом случае много плакал и наконец, когда м-г Remu добился того, чего требовал, то Александр Александрович начал просить избавить его от учения наизусть стихов. В семь часов пришел граф Борис Алексеевич [Перовский], он заставил Александра Александровича не оставлять комнаты, пока весь урок не будет готов, и действительно, к восьми часам Александр Александрович знал все, что от него требовалось. Граф Борис Алексеевич предложил Александру Александровичу прогуляться с ним по саду, вероятно, для того, чтобы смягчить немного

строгость обхождения. Они пошли на озеро и еще застали там целую компанию. Владимир Александрович лег спать в девять часов, а Александр Александрович вернулся с катанья в половине десятого, пошел к наследнику, посидел там с четверть часа и пошел спать.

5 сентября (вторник).

Встали в шесть с четвертью часов. Александр Александрович был как-то особенно в духе с самого утра, что он выражал, испуская дикие горловые звуки. Впрочем, он прилежно приготовлял уроки до восьми часов. Утром были классы французского языка и математики; как в том, так и в другом Александр Александрович был очень хорош. Ф. Ф. Эвальд сказал даже, что он за счастье считал бы, если бы все ученики были бы так внимательны и понятливы.

После классов Александр Александрович взял урок фехтования; потом великие князья завтракали и в одиннадцать с четвертью сели заниматься. У Александра Александровича был г-н Лагузен; в двенадцать часов пришел г. Шперер; урок Александр Александрович знал порядочно, а слушал новый урок с редким вниманием. Ему сегодня объясняли вертикальное разветвление Франции; сначала он было начал жаловаться на слишком большое число незнакомых имен, но скоро примирился с этим и охотно стал отыскивать все по карте.

В семь часов пили чай, и потом Александр Александрович с Николаем Александровичем и Алексеем Александровичем пошли на озеро. Я остался дома с Владимиром Александровичем, который сел писать письмо Императрице. Александр Александрович еще до чаю написал свое письмо Государю.

6 сентября (среда).

Встали в обыкновенное время, помолились, читали Евангелие, напились чаю и сели за занятия в семь часов. Александр Александрович был не в духе с самого утра, капризничал и заспорил с Владимиром Александровичем о том, кому очередь читать вслух Священное Писание. Вероятно, потому урок от 8–9 из русского был так нехорош, что учитель почти в взбешенном состоянии вышел от него.

От 9–10 у великих князей был Иван Васильевич (Рождественский), и он жаловался на ветреную голову Александра Александровича. На уроке музыки Александр Александрович был лучше обыкновенного и играл со вниманием. От 12 до 1 часу у Александра Александровича был урок из немецкого; он получил три и заслужил их. В два часа Александр Александрович с Николаем Александровичем поехали на место скачки; немного позже поехал туда и Владимир Александрович. Николай Александрович и Александр Александрович сели верхом и скакали два раза на различных лошадях, каждый раз по одной версте.

7 сентября (четверг).

Встали в шесть часов по просьбе Владимира Александровича; это не помешало, однако, прокопаться с чаем до семи часов. Александр Александрович был сегодня утром в очень милом расположении духа. Занятия шли очень прилежно. Первые часы у Александра Александровича были история; он отвечал посредственно; видно было, что он стеснялся недостаточно положительных исторических фактов, а распространиться о разлитии Нила он не сумел, настолько у него не хватает ни красноречия, ни воображения. Во всяком случае, он сделал для этого урока все, что мог, остается только желать, чтобы преподаватель по мере сил увеличил эту возможность. Федор Федорович Эвальд третий раз остался очень доволен Александром Александровичем; он хорошо знал урок и был очень внимателен. В десять часов был Александру Александровичу урок фехтования; в этом он сделал большие успехи и занимается очень охотно. Пунктуальность Александра Александровича удивительна; так как нынче положено заниматься приготовлением тех предметов, которые были читаны в этот день, то Александр Александрович от одиннадцати до двенадцати часов приготовлял математику, читанную утром, а не уроки английского и немецкого языков, которые должны были быть от двенадцати до двух часов. Последние два урока были у обоих великих князей порядочны, у Александра Александровича даже за внимание поставил m-r Schau «четыре» балла. После классов Александр Александрович пошел с наследником, Алексеем Александровичем и г-ном Шау кататься на озере.

Около половины седьмого я предложил Александру Александровичу идти ко всеобщей; я никак не ожидал сопротивления с его стороны; он уверял, что у него много занятий и между прочим сказал: «И кто это выдумал вести сегодня нас ко всеобщей, нас никогда прежде не водили в церковь накануне Никсина рождения»²². Однако он пошел потом без всякого неудовольствия. В восемь часов мы пили чай. А потом Александр Александрович пошел с наследником, Алексеем Александровичем и Николаем Густавовичем²³ на озеро, где оставался до четверти десятого часа; пил чай у наследника, лег спать в десять часов. <...>

9 сентября (суббота).

Александр Александрович приготовил урок Федора Федоровича Эвальда; ни одна задача не была решена верно; впрочем, внимание при чтении лекции было совершенно удовлетворительно. Немецкий язык был еще хуже математики; Александр Александрович не только не знал урока, но и стал прибегать к своим обыкновенным ребяческим замашкам; капризам и детским жалобам не было конца;

он все это делал как будто бы с намерением выиграть время. После завтрака был урок Закона Божьего; оба великих князя знали свое дело порядочно. От часу до двух была естественная история. Александр Александрович знал свой урок не совсем хорошо и был мало внимателен в классе. У обоих великих князей была в это же время и музыка. Александр Александрович играл на трубе довольно порядочно и довольно усидчиво. В два часа Александр Александрович пошел с Константином Николаевичем, Николаем Густавовичем и Алексеем Александровичем на озеро, а Владимир Александрович со мною поехал кататься по парку. На обратном пути мы заехали на озеро посмотреть, что делают моряки. Александр Александрович и Алексей Александрович катались на веслах с матросами, а Константин Николаевич и Николай Густавович на парусах. Ветер был такой сильный и порывистый, что со стороны страшно было смотреть на лодки с парусами, и я внутренне порадовался, что у Александра Александровича при такой погоде не достаёт смелости идти под парусами. С нами обедали граф Сергей Григорьевич Строганов и Иван Васильевич Рождественский. <...>

11 сентября (понедельник).

От 8–9 у Александра Александровича был урок французского. Он знал свой урок, но был рассеян и невнимателен, как, к сожалению, с редкими исключениями, почти всегда. Его натура при явно практическом направлении способностей не поддается теоретическим умствованиям А. И. Чивилева. Продолжая таким образом, теряем только дорогое время; ученого из Александра Александровича никогда не уделаем. Зато из него можно бы сделать практически развитого человека, и человека в его положении полезного со временем для общества; но для этого нельзя, как в монастыре, жить уединенно от людей, как мы живем в Царском Селе. Для этого непременно надо удалиться из Петербурга и его окрестностей.

<...> При всяком удобном случае, когда разговариваем с Александром Александровичем, мы стараемся навести разговор на его равнодушие к делу своего образования. Он иногда высказывает при этом престрашные мысли. Так, например, на мое замечание, что у него идет все худо оттого, что он занимается только положенное время от пяти до семи часов, а занятия сверх положенного считает лишними. На это Александр Александрович сказал, что он занимается не так худо и что ему редко ставят менее «трех» за урок, и что вся беда только оттого, что в журнале прибавили совершенно лишнюю и, по его мнению, несправедливую графу о внимании. Такое рассуждение показывает, во-первых, полную его незрелость и, во-вторых, то, что неопределенный балл «три» ставится слишком снисходительно. <...>

21 сентября (четверг).

<...>

Около половины одиннадцатого пошли к обедне по случаю дня рождения великого князя Павла Александровича... После обеда пошли играть в крокет; великие князья ужасно неприлично ведут себя во время игры; они решительно не могут играть спокойно и мирно и беспрестанно ругаются... После чаю великие князья отправились к Дмитрию Борисовичу [Рихтеру]. Великие князья там очень мало стеснялись, болтали вздор. Александр Александрович кривлялся и, наконец, кончил тем, что очень грубо толкнул Владимира Александровича за то, что он довольно грубо подсмеялся над ним. Граф Борис Алексеевич [Перовский] решил их позвать к себе, что для них очень полезно, потому что вне дома они всегда не больше стесняются, чем для них необходимо. <...>

24 сентября (воскресенье).

Пили чай с Алексеем Александровичем; после чаю Александр Александрович отправился на озеро с Николаем Густавовичем [Шиллингом]. За чаем зашел разговор о вчерашней выходке Александра Александровича с г-ном Кирхнером. Александр Александрович никак не понимал, как можно было обидеться, и утверждал, что Кирхнеру что-нибудь слышалось похуже; с трудом можно было ему объяснить, что подобные обиды он делает на каждом шагу, но что окружающие его мало-помалу привыкли видеть во всем этом не желание обидеть, а только, как шалость, детскую забаву; и что г-н Кирхнер только потому и обиделся, что нигде не привык видеть выходок, допускаемых у нас. В девять часов пришел граф Строганов и Василий Борисович Бажанов; я тотчас же послал за Александром Александровичем и Алексеем Александровичем. К половине одиннадцатого пошли к обедне. После обедни к нам зашли великая княгиня Мария Николаевна и княжны Мария Максимилиановна и Евгения Максимилиановна. После завтрака Александр Александрович пошел на озеро с Николаем Густавовичем [Шиллингом].

Александр Александрович поехал в два часа с Николаем Александровичем, Дмитрием Борисовичем (Рихтером) и Мариєю Максимилиановною верхом и вернулся домой уже после четырех часов, когда мы сидели за обедом. После обеда я остался с Владимиром Александровичем дома, а Александр Александрович оставался в саду до шести часов. В это время ко мне пришел великий князь наследник и жаловался на Александра Александровича, что во время игры он больше ничего не делал, как ругался. Я вызвал Александра Александровича в особую комнату и при Николае Александровиче же довольно долго распекал его за это, обещая, что его другой раз не допустят до игры за подобное невежество. Он отговаривался, как и всегда делает, что

ничего особенного не говорил и что, напротив, к нему приставали больше, нежели он к другим. Около половины седьмого пришел граф Алексей Борисович (сын графа Перовского); тут великие князья вели [себя] довольно сносно, хотя и приходилось беспрестанно останавливать их от разных выходов. После чаю около четверти девятого часа мы поехали к великой княгине Марии Николаевне; тут великие князья вели себя очень порядочно; даже Александр Александрович был лучше Владимира Александровича, потому что он, видимо, старался не сделать чего-нибудь неприличного. Мы играли там в составление слов из букв, иногда французских, иногда русских; Владимир Александрович удачно отгадывал французские слова, а Александр Александрович большею частью очень неудачно, что заставляло его даже краснеть. Великая княгиня Мария Николаевна просила великих князей быть у ней на этих днях, причем просила меня обратиться к графу Борису Алексеевичу с просьбой отпустить Александра Александровича с Владимиром Александровичем, если можно, в среду после занятий.

<...>

26 сентября (вторник).

...В два часа Александр Александрович с Николаем Александровичем и с г-ном [...] поехали верхами. Обедали с нами Иван Васильевич и г-н [...], за обедом зашла речь о беспорядках в Петербургском университете. Николай Александрович рассказал Ивану Васильевичу [Рождественскому] подробности вчерашнего случая и весьма справедливо карал студентов за их неприличное поведение, но вместе с тем не оправдывал и начальство, которое, не предупредив ни профессоров, ни студентов, как бы тайком закрыло двери университета. Это умное суждение Николая Александровича не понравилось Александру Александровичу, который только и твердил, что следовало «высечь их всех», т. е. студентов. На чье-то возражение, что так говорили и лавочники в Петербурге, Александр Александрович сказал, что лавочники самые умные люди!! Эти слова лучше всяких баллов показывают — на какой низкой степени развития стоит наш добрый Александр Александрович.

29 сентября (пятница).

Александр Александрович сравнительно порядочно знал урок, по-прежнему говорит иногда ужасный вздор; так, например, вместо того, что Пелопоннес получил свое имя от Пелопса, пришедшего из Малой Азии, он сказал, что Геллес пришел из Египта и по его имени назван Геллеспонт, а когда Александру Александровичу заметили ошибку, то оказалось, что он не помнит, когда ее сделал, т. е. он ее сделал без своего ведома, одним только языком. В десять часов Алек-

сандр Александрович пошел на гимнастику, с ним был граф Борис Алексеевич [Перовский], и он был очень доволен успехами Александра Александровича. От двенадцати до двух были уроки русского языка и географии. Я с наслаждением слушал сегодня ответ Александра Александровича из географии; он выучил на память очень много трудных имен собственных, и кажется без особого усилия, тогда как в истории он не может запомнить каких-нибудь двух-трех имен в один раз без того, чтобы не сделать ошибки. В русском языке он тоже был порядочен... Александр Александрович занялся повторением старого урока истории, именно — разделение Греции; в половине девятого часа он попросил [Владислава Федоровича Эвальда] спросить этот урок и при мне ответил очень удовлетворительно, после чего попросился идти с Николаем Густавовичем [Шиллингом] на озеро. <...>

<...>

2 октября (понедельник).

День у Александра Александровича начался весьма хорошо и г-н Реми был им доволен во всех отношениях. Урок истории он знал хорошо, но делал странные рассуждения, или, лучше сказать, не рассуждая совсем, сколько В. Ф. Эвальд ни старался навести его на то, чтобы вызвать его собственное мнение. Так, например, он никак не мог добиться, чтобы Александр Александрович сказал ему, к чему служат предания там, где нет исторических фактов, или о таких эпохах, когда еще истории не существовало, а место ее занимали предания. Александр Александрович кончил тем, что сказал, что эти времена были так давно, что даже не интересно и знать, что тогда происходило. В одиннадцать часов завтракали, после чего Александр Александрович брал урок музыки, по обыкновению нехорошо.

<...>

7 октября (суббота).

...Александр Александрович, по-видимому, более интересуется игрою на корнет-à-pistons, нежели прежде. В два часа мы поехали верхом. Хотя Александр Александрович очень не хотел кататься, жалуясь на то, что он не любит ездить с берейторами, однако все время прогулки он вел себя хорошо и больше неудовольствия не выказывал... После обеда пошли играть в крокет; тут случилось несчастье: Александр Александрович, несмотря на неоднократные напоминания Николая Густавовича [Шиллинга], суетился, горячился, бранился и, наконец, сделал такую грубую выходку относительно Николая Александровича, что Николай Густавович принужден был просить его выйти из игры; Александр Александрович не послушался и потому игру совсем прекратили. Николай Густавович приходит ко мне

с жалобой и просит не позволять более Александру Александровичу играть с братьями в крокет. Я сказал Александру Александровичу, чтобы он больше не принимал участия в этой игре, пока не получит на то разрешения, и, кроме того, обещал не пускать его к графу Борису Алексеевичу [Перовскому], пока не извинится перед Николаем Густавовичем. От пяти до семи великие князья занимались очень прилежно. В семь часов пошли ко всенощной; выходя из церкви, Александр Александрович подошел к Николаю Густавовичу и при всех попросил извинения; видно было, что извинение было искреннее. В половине восьмого поехали все к графу Борису Алексеевичу. Александр Александрович был значительно лучше, нежели прошлый раз.

<...>

13 октября (четверг).

У Александра Александровича первые часы была история; ему был задан урок такого рода, перед которым он становится всегда в тупик; вчера была ему объяснена разница между республиканскими правлениями, аристократическими и демократическими и какая главная причина их различия и происхождения. Нужно было знакомить со слов самого учителя, потому что в руководстве Вебера хотя об этом и говорится, но разбросанно, а потому для Александра Александровича неуловимо. К тому же, так как лекции Владислава Федоровича [Эвальда] носят характер бесед, то в них целое также не совсем уловимо для Александра Александровича; поэтому он урок свой знал плохо, да еще к тому же уверял, что ему вовсе не было задано то, что его спрашивали; ему поставили «два» балла. <...>

<...>

23 октября (понедельник).

<...>

В два часа мы пошли гулять. Я и [...] также, мы оба заметили, что Александр Александрович был очень расстроен первое время прогулки; вероятно, Государь дал ему опять маленький нагоняй. Александр Александрович долго шел молча, несколько в стороне, но моська как-то смешно перевернулась. Александр Александрович расхохотался и уж потом все время был в прекрасном расположении духа. <...>

<...>

27 октября (пятница).

<...>

Когда великие князья пришли назад, я заметил им обоим, что [...] останется у нас до десяти часов именно для того, чтобы проводить с ними время либо в разговорах, либо в чтении. Владимир Алексан-

дрович молча выслушал меня, а Александр Александрович принял на себя труд объясниться со мною и, признаться сказать, очень огорчил меня недостатком деликатности, хотя и ничего не было сказано им умышленного. На возражение мое, не оставаться же [...] до десяти часов без всякого дела, Александр Александрович сказал: «Ну так пусть уезжает». Я сказал Александру Александровичу, что об этом его не спросят, но просто заставят заниматься с [...] до девяти часов; на это Александр Александрович с явной досадой и самым убедительным тоном воскликнул: «Ну уж меня-то ничем не заставят заниматься сверх положенного времени!» Я никак не могу винить Александра Александровича в грубости его выражений; никакие выговоры, ни наказание не могут его исправить от того, чего он не совсем понимает. От этого его можно исправить только исподволь, не пропуская ни малейшего его шага, сделанного угловато. По моему мнению, скорее можно, если не должно, пропустить грубость в минуту досады, нежели невинную, но шероховатую шутку во время обыкновенного разговора; или явное невнимание к говорящему; ведь часто случается, что Александр Александрович, не дослушав, что ему говорят, отвернется и уходит, нисколько не обращая внимания на то, что речь еще и наполовину не кончена.

<...>

29 октября (воскресенье).

<...>

После чаю великие князья пошатались еще из угла в угол, и, наконец, я уговорил Александра Александровича вместо того, чтобы ничего не делать, просмотреть — какие статьи входят в последнюю книжку «Отечественных записок». Он нашел, что они большею частью глупы и ему не по вкусу. По крайней мере я поговорил с ним несколько времени о непостижимом для меня равнодушии Александра Александровича ко всему, что пишется, и каким образом можно извлечь пользу из чтения. Он уверял, что очень любит читать, только времени не имеет. <...>

31 октября (вторник).

От восьми до десяти часов был у Александра Александровича урок математики и французского языка. Становится страшно за Александра Александровича, когда подумаешь, что переставление запятой в десятичных дробях представляет ему до сих пор еще трудности непреодолимые. Он не мог одолеть сегодня самого пустого примера десятичных дробей, уверяя, что это для него слишком трудно. Слово *трудно* играет в соображении Александра Александровича весьма важную роль. Он находится в каком-то странном заблуждении, что если заявить трудность предмета, то непременно последует за этим облегчение со сторо-

ны преподавателя. Надобно всеми силами стараться, чтобы он откинул подобные мысли и более не употреблял бы слово *трудно*. Он получил из математики опять «два» за задачи и «три» за внимание. От 12–2 была география; он получил за этот предмет «четыре» и «три». В два часа мы пошли гулять по саду, около озера. Александр Александрович непременно хотел идти гулять в парк по дорогам, т. е. по глубокому снегу, но так как ни у меня, ни у [...] не были надеты непромокаемые сапоги, то мы пошли по садовым дорожкам сада. При этом вот какой был разговор. Когда мы надевали шинели, Александр Александрович, обращаясь к Владимиру Александровичу, сказал: «бедный [...], он непременно промочит себе ноги», потом, обращаясь ко мне, сказал: «И вы тоже». Я ему ответил на это, что не нахожу никакой надобности мочить ноги, потому что по всему нижнему саду проделаны дорожки и посыпаны песком. На это Александр Александрович стал уверять меня с полною уверенностью, что мы идем не туда, а в парк, где снег по колена, и потом был крайне удивлен, что мы пошли не туда, куда он хотел, а где можно было ходить [...] и мне. Во время прогулки он сначала немного надулся, но потом успокоился и вел себя все время хорошо. После обеда великие князья ходили к Императрице... Сегодня Александр Александрович жаловался на то, что его не будут больше учить на фортепиано. Я ему сказал, что в этом он сам виноват, что тот, кто в течение нескольких лет сидит на экзерсисах и еще не умеет разбирать нот, тот не может подавать надежды на успехи. Что нужно требовать строго, либо совсем оставить музыку. <...>

9 ноября (четверг).

В два часа мы поехали кататься верхом; тут я был не совсем доволен великими князьями. Видно было, что прогулка эта им не по вкусу; они прямо объявили, что сейчас приедут назад, чтобы кататься на коньках. На это я им заметил, что нужно спросить, буду ли я на это согласен. Гулять вообще было хорошо, жаль только, что у Александра Александровича очень вкоренилась привычка, от которой трудно его отучить иначе, как строгим требованием, а именно никогда не ходить и не ездить рядом с другими, а непременно первым. Это неудобно в том отношении, что выбор дорог принадлежит ему, чему легко подчиниться, особенно когда задумаешься. Так было и сегодня: желая выиграть время, Александр Александрович выбрал кратчайший путь по дороге малоезженной и покрытой глубоким снегом; я заметил это только тогда, когда моя лошадь начала вязнуть в снегу. Это принудило меня заставить великих князей ехать шагом, и, следовательно, вместо того, чтобы выиграть время, они потеряли его. Однако мы все-таки успели быть на катке и провести время очень весело. После обеда Александр Александрович играл со мною в шахматы; за этой игрой

он очень успокаивается и принужден задумываться, а это для него здорово... Перед тем как сесть за чтение, я просил великих князей не вскакивать с места, когда будет бить девять часов, а предоставить кончить чтение тому, кто читает; я прибавил при этом, что поступать так, как они поступают в этом случае, крайне невежливо. Сегодня они прослушали целых две главы, тогда как обыкновенно не приходится читать более одной. После этого они пошли к родителям.<...>

<...>

20 ноября (понедельник).

...В два часа пошли копать снег лопатами и потом гуляли все с Государем и Императрицею. Я всегда удивляюсь, смотря на Александра Александровича, и думаю, как юношу почти в 17 лет могут занимать детские игры, как, например, перекидывание снега лопатой.

21 ноября (вторник).

Так как по случаю праздника великие князья должны были идти к обеду к десяти часам, то, чтоб выиграть время, Александр Александрович занялся с [...] от семи с половиной до восьми. От 8–9 часов у Александра Александровича была математика; Федор Федорович [Эвальд] остался им доволен. Пошли в церковь. Великие князья сели рано позавтракать, так что в 5 минут 12-го сели заниматься. За завтраком Александр Александрович порадовал меня своею любезностью следующим образом: Владимир Александрович с обычною своею неуклюжестью потянулся на стол за каким-то кушаньем и уронил на пол вилку; [...], сидевший подле него, поднял ее, а Владимир Александрович, нисколько не обращая на это внимания, продолжал накладывать себе на тарелку, даже не поблагодарив [...]. Александр Александрович приведен был в такое негодование невежливостью Владимира Александровича и так его распустил, что мне оставалось только подтвердить его слова и запретить Владимиру Александровичу грубо возражать брату, который был в этом случае совершенно справедлив. В два часа пошли кататься на коньках. За обедом было очень много гостей. Александр Александрович разыгрывал роль хозяина, приглашал всех к закуске, и вообще во все время обеда он держал себя очень мило. Зато потом, когда все пошли к Дмитрию Борисовичу [Рихтеру], он совсем было испортил все дело тем, что, играя в шахматы с [...], начал так дурачиться и пицать, что я принужден был напомнить ему, что он не один и что, если он хочет продолжать делать то же самое, так лучше бы уходил вон и оставил бы всех в покое. Александр Александрович немного обиделся, однако перестал шуметь. В четверть девятого великие князья пришли от Императрицы и сели читать с [...], они оба читали по очереди, Александр Александрович

читал особенно охотно и довольно хорошо; только я заметил, что когда кто-нибудь из них читает, то другой не слушает. В девять часов пошли к Императрице и оставались там почти до десяти часов, читая с нею по-французски. Поведение Александра Александровича было почти очень хорошо, но Владимир Александрович хотя и ничего не делал такого, что было бы особенно заметно как неуместное, но уже самое это «ничегонеделание» никуда не годится, потому что не делать ни худого ни хорошего в его лета хуже, нежели делать что-нибудь худое; он впал в какую-то болезненную грубость и малодушие. Хотя все это временное и непременно пройдет, но нужно ускорить исцеление. <...>

<...>

28 ноября (вторник).

От 8–10 были уроки математики и французского языка. Александр Александрович получил из математики «три» и «два»; он был мало внимателен и жаловался на трудность предмета. Класс французского языка он начал тоже очень плохо, но в половине класса пришел Государь, спросил, как идет, и, получив от m-r Рему очень неудовлетворительный ответ, сделал Александру Александровичу строгий выговор, так что он заплакал, а потом укорял m-r Рему в том, что он на него жаловался. Зато конец класса был несравненно лучше... Из географии Александра Александровича не спрашивали, потому что г-н Шперер думал, что вчера великие князья были в театре и урок приготовить не успели, но Александр Александрович с большим вниманием слушал лекцию, которая действительно была очень интересна. Г-н Шперер, рассказывая об Италии, приводил в пример ее природы и внутренней жизни отрывки из лучших наших поэтов, писавших об Италии.

<...>

30 ноября (четверг).

...Федор Федорович [Эвальд] был сегодня очень доволен Александром Александровичем; он приготовил задачи без ошибок и со вниманием слушал его. Сегодня Федор Федорович выразил мне опасение, что не слишком ли мы строги к Александру Александровичу; ему кажется, что Александр Александрович делает все, что может, а что если иногда у него не удастся, то он не так виноват, как мы думаем... Александр Александрович пошел со мною гулять; мы сделали очень большую прогулку, прошли по всей Литейной и по набережной почти до дворца, а потом немного прокатились. Несмотря, однако, на продолжительность прогулок, мне не удалось еще иметь с Александром Александровичем какой-нибудь разговор. У нас обедал [...], разговор был на английском языке; один только Александр Александрович нуждался в напоминаниях.

1 декабря (пятница).

В два часа Александр Александрович отправился со мною на освящение дворца Николая Николаевича. Мы вернулись домой к половине четвертого. С нами обедали [...] и Эдуард Федорович Эвальд. Г-н Эвальд предложил за обедом подписку в пользу одного бедного семейства умершего учителя. Все охотно предложили свои услуги; обратились с тем же и к нашим великим князьям. Владимир Александрович прехладнокровно ответил: «Да, я-то почему знаю сколько!» И когда на него напали за его равнодушие, он отговорился тем, что он ничего не может положить без согласия Бориса Алексеевича [Перовского]. Оно, может быть, и совершенно справедливо, но это все-таки не должно было бы мешать им принимать более горячее участие в подобных подписках.

2 декабря (суббота).

Александр Александрович очень хорошо приготовил урок математики и был внимателен в классе, так что Александр Иванович сказал, что он заслужил «четыре», но Федор Федорович [Эвальд] поставил ему «три», потому что находит необходимым возвысить цену баллов, тем более что «три» — хорошая отметка. От двенадцати до двух была естественная история. Г-н Гофман, по обыкновению, остался более доволен Александром Александровичем, нежели Владимиром Александровичем. В два часа мы поехали к Николаю Васильевичу Зиновьеву. Великие князья вели себя там довольно порядочно. Николай Васильевич и супруга его беспрестанно заговаривали с великими князьями по-французски; Владимир Александрович пускался в довольно подробные ответы, смело и без особенных ошибок; Александр Александрович искусно обходил трудные места и сам не сворачивал на русский разговор; он, видимо, был в затруднительном положении и очень был рад, когда мы стали раскланиваться.

В семь часов пошли ко всеобщей, а в начале девятого часа поехали со мною к великой княгине Марии Николаевне. Скоро туда приехала и Императрица. Там читали «Старые годы» Кохановской. Владимир Александрович слушал с большим вниманием, его очень интересовало это, а Александр Александрович, я думаю, слишком занят своими рисунками, да к тому же я не слышал от него никакого отзыва. Они вели себя довольно порядочно, говоря, конечно, относительно; Александр Александрович, например, подошел во время чтения к Владимиру Александровичу и как-то помешал ему слушать, на что последний, несмотря на глубокую тишину, довольно громко сказал ему: «Отстань». Мне кажется очень странным отношение великих князей к девицам, в обществе которых они находятся; они почто с ними никогда не говорят, а если случится перемолвить слово, то совершенно так же, как

с каким-нибудь товарищем, как с Гришей Гогелем, например, разве что немного покороче, чтобы скорее отделаться. Мы выехали оттуда довольно поздно. Императрица взяла с собою Александра Александровича, а Владимир Александрович поехал со мною. <...>

18 декабря (понедельник).

Так как у меня сильно болела голова, то я лег спать вчера в десять часов, а великие князья вернулись домой без четверти одиннадцать, и я слышал только, как они ложились под одеяло. Утром сегодня я узнал, что они раздевались в соседней комнате, чтобы меня не разбудить. Это очень мило с их стороны, очень трогательно и даже, смею сказать, для меня неожиданно.

После обеда великие князья пошли к Императрице. От 6–7 Александр Александрович занимался с [...], видно было, что сон и лень одолевали Александра Александровича, но видно также было, что он, сколько мог, боролся с недугом; он даже переломал несколько перьев с досады, что у него глаза слипались. Потом он оправился; остальной час прилежно занимался.

<...>

24 декабря (воскресенье).

Граф Борис Алексеевич [Перовский] сделал Владимиру Александровичу строгий выговор за вчерашние выходы. В одиннадцать часов пошли к литургии. Завтракали с родителями. В половине второго великие князья поехали со мною в сюртуках поздравить Евгению Максимилиановну. Оттуда мы заехали домой, переоделись и поехали в Таврический сад. Там, на катке, было много посетителей. Александр Александрович значительно изменил свою манеру здороваться. Подойдя к князю Мещерскому, он поспешно снял перчатку, чтобы дать ему руку, и поклонился не прикладываясь, а сняв фуражку, так что даже немножко пересолил. <...>

<...>

29 декабря (пятница).

Встали ровно в шесть с четвертью. Все было как следует, но я заметил только, что обливаются великие князья, в особенности Александр Александрович, небрежно, что случалось и прежде и на что надо обратить внимание. Тем более что Александр Александрович на замечания мои отвечал, по обыкновению, что это скучно, что это ничему не поможет и пр. Прочитав главу из Евангелия, напились чаю и от 7–8 часов повторяли уроки. От 8–10 были уроки истории и французского языка. В. Ф. Эвальд опять был недоволен Александром Александровичем и поставил ему «два» и «два».

В два часа мы поехали по книжным магазинам. Были у [...] и Шмицдорфа; великие князья выбирали книги для лотерей по приказанию Императрицы, потом мы заехали в Английский магазин, где Александр Александрович купил сигар для Николая Александровича. Мороз был такой сильный, что мы не решились гулять пешком, а только ограничились магазинами. За обедом разговор все время был на французском языке. Александр Александрович был сегодня в духе шалить и паясничать, я насилу его усмирил.

В семь часов великие князья пошли к Императрице и скоро вернулись оттуда, чтобы ехать в театр. В ложе были Императрица, великий князь Константин Николаевич и фрейлина Тютчева. Великие князья вели себя некоторое время довольно порядочно; раз только Александр Александрович выразился не довольно удачно и был остановлен мною. Следует только заметить, что великие князья не совсем понимают, как невежливо перебивать разговор на одном языке, когда он ведется на другом. <...>

1862 год

1 января (понедельник).

Встали в семь часов. В восемь часов пошли на половину великого князя наследника пить чай. К половине десятого великие князья собрались в приемной у Государя в полной парадной форме и с Андреевскими цепями. Александр Александрович и Владимир Александрович были в Преображенских мундирах; Государь приказал Владимиру Александровичу надеть к обеду драгунский мундир. Поздравив Государя и Императрицу, поехали со мною делать визиты. Около половины одиннадцатого приехали домой и стали одеваться в церковь. Обедня и выход кончились в час. Великие князья, позавтракав у родителей, вернулись домой и потом поехали делать визиты. Они заезжали ко всем членам царской фамилии и, кроме того, к военному министру, генерал-губернатору, генералу Плаутину, графу Строганову и графу Перовскому. Домой вернулись в три часа. Остальное время до обеда великие князья читали. Обедали у родителей, а в шесть часов пришли к себе и сели читать. В семь часов великие князья переоделись, чтоб ехать в Большой театр. Они сидели в верхней ложе с великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами и с великим князем наследником; я был с ними. Домой приехали в исходе одиннадцатого часа. Еще Александр Александрович не успел снять с себя курточки, как к нам пришел Государь. Он прошел к великому князю Алексею Александровичу, поздравил его с наступающим днем рождения, а потом поговорил с Владимиром и Александром Александровичами. Великие князья совершенно улеглись в половине двенадцатого.

2 января (вторник).

Встали в четверть седьмого. Прилежно занимались до восьми часов. В восемь часов мы пошли поздравить Алексея Александровича с днем рождения; великие князья остались с ним минут 20 и пили у него кофе. 20 минут 9-го начались классы... [...] сказал мне, что Александр Александрович очень ребячился во время урока; Александр Александрович уверял, что не может писать под диктовку, если [...] не стоит подле него, и разные тому подобные вещи. После классов я подошел к нему и сказал, что [...] жаловался на него. Александр Александрович с удивительным равнодушием спросил меня — за что; а когда я ему сказал причину, он наотрез сказал, что это неправда. Александр Александрович имеет эту грубейшую манеру беззастенчиво и упрямо отрицать то, в чем его только что уличили; когда он напускает на себя эту непроницаемую личину, тогда говорить с ним также полезно, как бить горохом об стену. <...>

<...>

8 января (понедельник).

За завтраком Александр Александрович отличился. Он попросил [...] положить ему котлетку и при этом показал какую именно, ткнув пальцем в эту котлетку. Когда я стал ему выговаривать за его манеры, то он с самым дерзким видом начал презрительно пофыркивать, прикидываясь, что не понимает, за что к нему я привязываюсь. Я, признаться сказать, очень рассердился и сильно на него прикрикнул, и если бы он еще высказал какое-нибудь возражение, я бы его выслал из стола и оставил бы без завтрака. Надо употребить все возможные средства, чтобы отучить его от грубых манер.

От 12–2 у Александра Александровича были уроки русской словесности и английского языка. Он из обоих предметов получил по четыре балла. Дай Бог не сглазить, он последнее время ведет себя очень хорошо; он серьезен, как следует быть в его лета, и внимателен ко всему тому, что ему говорят. <...>

<...>

20 января (суббота).

Александр Александрович из математики получил «три» и «три» и из немецкого тоже. Г-н Кирхнер мне говорил, что он не совсем доволен последнее время Александром Александровичем, что с ним что-то делается не совсем понятное, которое г-н Кирхнер объясняет возрастом.

Видно, что великие князья вовсе не боятся экзаменов; они несколько не дорожат временем, и как только пробьет урочный час, ту же минуту закрывают книги. В семь часов пошли ко всеобщей. В восемь часов мы поехали к великой княжне Марии Николаевне. Александр Александрович

вич отправился с наследником. Не могу сказать, чтобы я остался доволен вечером; великие князья вели себя относительно довольно хорошо и прятки не было; но зато там выдумали костюмироваться, и великие князья, нисколько не стесняясь присутствием дам, надевали при них штаны, снимали и выворачивали куртки и т. п. Также мне сказали, что когда великих князей просили не играть в прятки, то между ними образовалась оппозиция, которая прибегла было к помощи великой княгини. Кто из великих князей более настаивал на прятках — неизвестно. Александр Александрович уверяет, что он совсем не участвовал в оппозиции, хотя и был из числа недовольных.

21 января (воскресенье).

После чаю великие князья принялись клеить домики. Я было думал, что они сами вспомнят об экзаменах; однако мне самому пришлось напомнить им о них. Александр Александрович со вздохом бросил картинку и принялся за русскую грамматику. В четверть десятого великие князья пошли к Государю; вернулись к себе в половине одиннадцатого, переоделись и пошли к обеду. После обеда оба великих князя поехали с графом Борисом Алексеевичем [Перовским] на развод, а оттуда заезжали к великой княгине Елене Павловне. Вернулись домой около половины третьего, переоделись и отправились в Таврический сад. Туда приезжал Государь с Великой Княжной Марией Александровной, великий князь Константин Николаевич, и было много других посетителей. Великие князья очень весело провели время и с сожалением расстались с горами в четыре часа. Великие князья обедали у родителей. В шесть часов они пришли домой и тотчас же сели заниматься. Я просил Федора Карловича Дитерихса увезти домой Евгения Максимилиановича, потому что у великих князей много занятий. В четверть восьмого великие князья пошли к Императрице. Александр Александрович вернулся в половине девятого, оделся и в начале десятого поехал на бал к великому князю Михаилу Николаевичу вместе с графом Борисом Алексеевичем [Перовским].

22 января (понедельник).

Сегодня был экзамен из Закона Божьего и русской словесности. Начался в двенадцать часов; присутствовали Государь и Императрица, Александр Александрович отвечал изрядно, но все — большею частью с помощью экзаменатора, который как будто бы настолько вытягивал из него каждый ответ. Утешительно было видеть то, что Александр Александрович с видимым напряжением следил за каждым вопросом и осторожно обдумывал ответы; от этого большая часть ответов у него была логична, тогда как прежде без вздора и галиматьи

не обходилось. По мнению Ивана Васильевича [Рождественского] Александр Александрович даже лучше знал свое дело, нежели Владимир Александрович. Из русского языка Александр Александрович был слабоват, по крайней мере гораздо хуже, нежели последнее время во время классных занятий. Но все-таки нельзя не заметить успех в правописании сравнительно с прошлыми экзаменами; он сделал в семи или восьми строчках две ошибки. Сам Александр Александрович, видимо, остался недоволен сегодняшним экзаменом.

23 января (вторник).

С семи до девяти часов великие князья сидели не сходя с места; потом немножко прошлись по комнатам и опять сели за занятия до десяти часов. Александр Александрович был очень не уверен в самом себе и, видимо, беспокоился за экзамен. Императрица пришла ровно к двенадцати часам. Александр Александрович очень порядочно отвечал на вопросы, делал мало ошибок, обдумывал каждый ответ, и в них было много логики. Императрица и Государь, который застал только конец ответа, были очень довольны Александром Александровичем. Сам Александр Александрович был в восторге; нет награды, которая могла бы его так вознаградить, как те чувства, которыми он был переполнен в первые минуты после экзамена. Нужно только заметить, что ему мало задавали вопросов из хронологии; этому, может быть, и нужно приписать главный его успех.

Экзамен французского языка был менее удачен. Александр Александрович наделал 18 ошибок в восьми строках, и довольно грубых. Все это, правда, очень слабо, особенно по летам, но что есть успехи после летнего экзамена — в этом нет сомнения.

В семь часов великие князья пошли к Императрице и оттуда дали знать, что Императрица желает остаться с ними весь вечер. Пришел через несколько времени Александр Александрович и объявил мне, что Императрица желает, чтобы завтра был экзамен из естественной истории и английского языка. Я ходил к графу Борису Алексеевичу [Перовскому], чтобы доложить ему об этом; граф отказал на том основании, что великие князья слишком легко смотрят на экзамены и готовы выходить на них хоть без приготовления.

24 января (среда).

В десять часов пошли к Императрице. Великие князья скоро вернулись от нее, и Александр Александрович пошел к Дмитрию Борисовичу [Рихтеру], чтобы не пропустить урока музыки на трубе, он как-то стал дорожить этим.

Граф Борис Алексеевич [Перовский] распек немного великих князей за вчерашние проделки насчет перемены экзамена. Каждая

распечка благотельно действует на них, и великие князья очень усердно занимались до двух часов.

В десять часов легли спать, не успев повидаться с Государем, который приехал с охоты в половине одиннадцатого часа.

25 января (четверг).

Утром великие князья занимались довольно прилежно часов до девяти. Видно было, что они не особенно боялись предстоящего экзамена. Естественную историю они знают хорошо, а что касается до английского экзамена, то великие князья как-то особенно снисходительно смотрят на свое незнание в языках. Экзамен начался в двенадцать часов без Императрицы. Оба великих князя отвечали хорошо. Александр Александрович ограничивался короткими но ясными ответами, обнаруживающими довольно твердое знание дела. Экзамен английского языка был ниже всякой критики.

Перед экзаменом Александр Александрович навлек на себя неудовольствие графа Бориса Алексеевича [Перовского] своим недостатком такта. В комнате было много учителей, а Александр Александрович, нисколько не стесняясь, стал перед всеми выкидывать фарсы.

<...>

27 января (суббота).

Сегодня должен быть последний экзамен. Оба великих князя ждут его, по-видимому, равнодушно, Александр Александрович не поддается сильным ощущениям. Экзамен назначен был в половине первого в присутствии Государя. Ответы Александра Александровича были бы все очень хороши, если бы он усвоил себе математический язык и если бы выражался более точно; он не может также сам, без посторонней помощи вытянуть всю нить рассуждений по поводу какого-нибудь вопроса. Видно было, например, что он знает, как доказать правило умножения дроби на дробь, и даже по довольно тонкому намеку понял, что хотел от него экзаменатор, но при самом доказательстве он путался. Видно было, что он не достиг той степени прочности в своих выводах, которая требуется в хороших ответах, но нужно заметить, что и та степень, которой он достиг, превзошла меру ожиданий, по крайней мере моих. Конференция единодушно присудила Александру Александровичу три балла, что вовсе для него не много.

<...>

28 января (воскресенье).

...Великие князья вернулись от Императрицы в конце шестого часа и сели читать — Александр Александрович «Письма Ботки-

на», а Владимир Александрович «Письма Яковлева». В семь часов я вошел с Владимиром Александровичем в комнату Александра Александровича и застал его спящим крепким сном, облокотившись на руку: должно быть, Боткин не слишком заинтересовал его. <...>

<...>

4 февраля (воскресенье).

<...>

В девять часов Александр Александрович пошел на половину великого князя наследника, чтобы идти с ним на бал в павильон Эрмитажа. Александр Александрович танцевал очень много. Граф Борис Алексеевич предоставил его собственному благоразумию оставаться на балу до самого конца или идти спать раньше. Александр Александрович остался до самого конца, пришел домой в начале четвертого часа и просил меня не будить его раньше восьми часов. Я ему предоставил спать до восьми часов, но не согласился не будить Владимира Александровича слишком поздно.

<...>

21 февраля (среда).

Когда великие князья кончили читать Евангелие, я сказал Александру Александровичу, что не худо бы было во время говенья читать его по дням; нужно было видеть, какая поднялась буря возражений, с примесью, конечно, слов, не совсем идущих к делу. Александр Александрович дошел до того, что сказал, что это вздор. Тогда я ему напомнил только, что так делается в церкви за литургиею. На что, конечно, ему нечего было ответить. <...>

<...>

5 марта (понедельник).

...Александр Александрович довольно порядочно понимает логику и не пугается ее.

После восьми часов Александр Александрович читал с [...] очерки Англии [...], что очень нравится обоим великим князьям.

Сегодня Александр Александрович был в страшно веселом расположении духа, а это, как известно, совсем не весело отзывается на лицах, его окружающих; но к чести его будет сказано, он легко успокаивается, если скажешь ему тихо, что пора перестать делать глупости; а я, например, погорячился, и хотя восторг Александра Александровича немножко улегся, но конец был все-таки немного шероховат. <...>

<...>

11 марта (воскресенье).

После чаю Александр Александрович с большим рвением принялся за перегонку вина по рецепту, данному ему г-ном Гофманом. Опыт не удался; колба лопнула и перегоняемая жидкость разлилась по столу.

После обедни Александр Александрович поехал с наследником на развод, а оттуда к великой княгине Елене Павловне.

...Вернувшись от родителей в девять часов, Александр Александрович хотел очень ехать к великому князю Михаилу Николаевичу, но так как он не спрашивал об этом графа Бориса Алексеевича [Перовского], а потому и ехать не мог; это его так разгорячило, что он лег спать без четверти десять.

12 марта (понедельник).

Обыкновенные занятия.

В два часа мы поехали с [...] в Таврический дворец. Погода была не особенно хороша, а лед и горы совершенно были занесены снегом; но Александру Александровичу это-то именно и понравилось. Он сначала покатался на коньках, а потом вооружился лопатой и деятельно стал помогать людям очищать каток и горы. <...>

<...>

27 марта (вторник).

Обыкновенные занятия.

За обедом великие князья вели себя порядочно и говорили по-французски. После обеда Александр Александрович и Владимир Александрович поссорились друг с другом. Владимир Александрович спрятался в камердинерскую и боялся оттуда выходить, потому что Александр Александрович не на шутку угрожал ему. Я велел Владимиру Александровичу выйти из засады и обещал, что никто его не тронет, а Александру Александровичу сказал, что если он только дотронется до него, то не пойдет вечером к великому князю Константину Николаевичу. Этим средством я обоих успокоил, но Владимиру Александровичу досталось от меня, потому что он был главным виновником беспорядка.

От Императрицы пришли в четверть девятого, почитали немного с [...] и к девяти часам поехали к великому князю Константину Николаевичу.

<...>

5 апреля (четверг).

<...>

Мы прошли пешком по Дворцовой набережной и встретились с великим князем наследником, гулявшим с Дмитрием Борисовичем

[Рихтером]. При этом не могу пройти молчанием внимание Александра Александровича. Нас сошлось, таким образом, пять человек, а в ряд можно было идти только вчетвером; так как я умышленно не поторопился занять место, то и оказался один назади. Александр Александрович заметил это и предложилделиться так, чтобы я шел не один. Казалось бы, смешно упоминать об этом, но, к несчастью, случаи такого внимания так редки, что они поневоле бросаются в глаза, по крайней мере мне. <...>

6 апреля (пятница).

<...>

Когда великие князья собираются вместе, чтобы провести время за каким-нибудь удовольствием, то редко обходится без того, чтобы не покричать на них. Сколько они говорят и делают вздору, какие неуместные выходки и шутки не по летам! А всех больше всегда отличается Александр Александрович. <...>

<...>

10 апреля (вторник).

Встали в семь часов. Великие князья пришли поздравить Владимира Александровича с днем его рождения и пили у нас чай. Владимир Александрович получил в подарок от Государя позволение носить сюртук; но с утра он ни за что не хотел его надевать. Когда в девять часов великие князья пошли к Государю, то Владимир Александрович посоветился пройти мимо караула и прошел через запасную половину; хотя причина была понятна, я все-таки заметил ему, чтобы он этого в другой раз не делал. В одиннадцать часов пошли в церковь.

В два часа все великие князья отправились в балаган Берга смотреть пантомину²⁴. По окончании Александр Александрович поехал с великим князем наследником верхом, а Владимир Александрович отправился со мною гулять; сначала мы заехали купить сотню сигар для Государя.

Вернулись от родителей в начале девятого, чтобы приготовиться к балу. Александр Александрович сегодня первый раз завился по приказанию Государя, и, кажется, ему это очень нравится. Великие князья много танцевали и вообще провели время очень весело.

<...>

12 апреля (четверг).

Встали в четверть седьмого. Великие князья очень торопились, чтобы успеть заняться. По суетливости заметно было, что они не совсем доверяют своим знаниям. Это оправдалось. От 8–10 были уроки

истории и математики. Александр Александрович ничего не знал из истории, а по наружному спокойствию и какому-то особенному равнодушию видно было, что Александр Александрович твердо решил быть ленивым. Он не только ничего не знал, но даже ничего не хотел слушать внимательно, и снова вспомнил старые времена, с прежними «скучно», «не могу», «трудно» и т. п. Он получил «единицу» и «два». От половины одиннадцатого до половины двенадцатого была верховая езда. Александр Александрович был не особенно внимателен и старателен.

В два часа мы согласились идти на Александровскую колонну, конечно, и Александр Александрович с нами пошел [...]. Когда мы сели в коляску, Александр Александрович скомандовал кучеру ехать на Васильевский остров; я восстал против этого на том основании, что после прогулки пешком опасно входить на верх колонны, где, вероятно, холодно. Александр Александрович раскапризничался и объявил, что он не хочет идти на колонну; но так как желающих было трое против одного, то Александр Александрович принужден был идти. После того мы прогулялись, и нерасположение духа Александра Александровича прошло очень скоро. <...>

13 апреля (пятница).

<...>

Необходимо наблюдать за тем, чтобы великие князья соблюдали раз заведенный порядок. Так, в учебных комнатах, где им приказано не иметь ничего, кроме учебных предметов, время от времени набирается разного хлама; а в маленьких шкафиках, заведенных для того, чтобы там были только необходимые учебные книги, находятся теперь разные и другие, более из таких, которые им нравятся за переплет. Сперва я очистил от всех этих вещей комнату Владимира Александровича, который добровольно подался на это требование, но Александр Александрович спорил, и я должен был настоятельно потребовать от него исполнения заведенного порядка. <...>

<...>

16 апреля (понедельник).

<...>

Сюрпризы для Государя назначены были к восьми часам. Наши великие князья тоже приготовили сюрпризы. Владимир Александрович очень плохо сыграл свою пьесу из «Жизни за Царя» «Славься». После этого Александр Александрович играл две пьесы на трубе с аккомпанементом Владимира Александровича, может быть, без этого аккомпанеента и было бы лучше, но это все-таки было недурно. После этого великие князья провели весь остаток вечера у родителей. <...>

26 апреля (четверг).

<...>

В половине восьмого великий князь наследник просил меня отпустить с ним в Павловск Александра Александровича; я сказал, что если они едут одни без Дмитрия Борисовича [Рихтера], то я отпустить не могу. Тогда великий князь Николай Александрович сказал, что он попросит об этом Императрицу, которая, конечно, позволила. В Павловске великие князья заехали к великому князю Константину Николаевичу. <...>

28 апреля (суббота).

После классов великие князья пошли к родителям, а потом Александр Александрович пошел с Константином Николаевичем [Посыетом] и Алексеем Александровичем кругом озера. Обедали сегодня у родителей. Возвращаясь от обеда, великие князья Александр Александрович и Николай Александрович начали приставать к маленькому брату Алексею Александровичу; дело началось шуткой, а кончилось очень неприятно для старших братьев. Алексея Александровича так облили водой и измучили, что он пожаловался Императрице и Государю. Всех старших братьев Государь позвал к себе и сделал им строгий выговор.

Граф Борис Алексеевич [Перовский], узнав об этом, призывал Александра Александровича и, сделав ему тоже строгий выговор, запретил ему впредь до приказанья ездить гулять с великим князем наследником. <...>

